

РУССКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

№ 7-8 (17-18) июль-август 1998 года

АРХИТЕКТУРА • ДИЗАЙН • ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

РУССКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Художник наклонился над девочкой, сидящей за школьным столиком, и бережно водит ее рукой, держащей кисточку. Он показывает ей, как надо делать мазок кобальтом, чтобы получилась знаменитая русская «агашка». Неуверенно больной ребенок старается самостоятельно повторить показанный учителем прием...

Это не сентиментальная картинка, а сегодняшний день бывшего главного художника Гжели Валентина Розанова. Он работает сейчас в колледже Реабилитационного центра для инвалидов Комитета социальной защиты населения Москвы. Основной состав колледжа — дети, больные с детства. После окончания отделения керамики они идут работать на мелкие заводики, которых сегодня расплодилось на удивление много в Москве и под Москвой. Их продукция — почти не хуже самой Гжели, но зато в 2—3 раза дешевле. И — парадокс судьбы — столько времени отдавший Гжели, поработавший там вначале пять лет простым расписчиком, устраивавший, уже будучи главным художником, патристическую выставку «650 лет Гжели» в ЦДХ, награжденный в 1980 году за свои работы, развивавшие лучшие традиции гжельского фарфора, премией Ленинского комсомола, Розанов сейчас учит больных детей практически подделывать ту же Гжель на мелких производствах, губящих своей конкуренцией всемирно известный промысел, подрывающих его славу.

Но с другой стороны — отдавать

За стендами выставки

свой талант детям, да еще таким детям, формировать из обделенного с детства ребенка полноценного художника-профессионала — разве это не благородно? Разве это не нравственный, истинно человеческий поступок?

Однако благородство — это качество души. Оно может быть у любого человека, независимо от профессии. Но когда речь идет о воспитании маленького человека, о помощи в раскрытии его способностей, одних нравственных стремлений педагога недостаточно. Здесь уместно спросить — а есть ли у него самого талант и умение, есть ли запас того, что можно передать другому? И персональная выставка работ Валентина Гельевича Розанова в Музее декора-

тивного и народного искусства отвечает на этот вопрос. Да! Не только есть талант и выдумка, но и с избытком. Это, кстати, доказывает и то, что после Гжели он был одним из ведущих организаторов Московского фарфорового завода, разработал для него коллекцию изделий, успешно выпускающихся и сегодня.

И вместе с тем работа на любом промысле для творческого художника — это всегда грань счастья и трагедии. Счастья, потому что ты творишь, твои вещи нравятся, они идут в производство, люди покупают их в магазинах. Трагедия — потому что ты связан путами традиций, канонами исконной стилистики. И не имеешь права вырваться из этой клетки. В результате каждый художник и каждый промысел подпадает под действие принципа, сформулированного мной как закон «неизбежной декоративной усложненности».

Художник, именно потому, что он творец, стремится как-то изменить, усложнить, обновить традицию. Добавить в нее что-то свое, индивидуальное. Добиться того, чтобы его вещи обладали «лица необщим выражением», чтобы они были узнаваемы и отличаемы в потоке привычной продукции. Мы видим сейчас это в любом промысле — в хохломской и городецкой росписи, в финифти, в той же Гжели.

Розанов — прежде всего художник формы. И в «большой форме», т. е. в определяющей композиции вещи, он идет от народной посуды, от традиции широких, «хлебосольных» сосудов, нередко приземистых и явно

произошедших от приятных форм здоровой, широкобедрой фигуры среднерусской крестьянки. Но Розанов вместе с тем мастер детали. И именно детали придают его вещам узнаваемость и пикантность. Он поклонник рокайльных завитков, затейливых ручек, усложненных, изящно изогнутых носиков и ручек, снабженных дополнительными членениями, поясками, раструбами. Именно они обогащают форму, придают ей изыск, налет куртуазности и авторскую неповторимость.

В последнее время все чаще использует он и свой скульптурный талант, так сказать, «в чистом виде», без сочетания с посудными формами, создавая миниатюрную пластику, за-

В. Розанов.
Чайный сервиз. 1992

В. Розанов.
Кофейный сервиз. 1993

бавные фигурки собачек, хрюшек, медвежат, кошек. Многие из них к тому же психологически точны, полны удивления или юмора. Это новая струя в его творчестве, плодотворная попытка раскрыть свои возможности, опираясь не только на местные традиции, но и на общехудожественные принципы, которые в конечном счете есть проявление не столько национальных, сколько общечеловеческих вкусов, пристрастий, ценностей. Этот путь, может быть, еще более труден, чем следование традициям, но это путь большого искусства, и Валентин Розанов имеет все задатки пройти его с честью, сказав свое слово в фарфоровой анималистике.

Никита ВОРОНОВ